

НАРОДНЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ

И. Тынурист (Таллин)

На определенную общность музыкального инструментария народов Прибалтики первыми обратили внимание лингвисты в связи с названиями струнного инструмента канклес¹, которые созвучны в балтийских и прибалтийско-финских языках: лит. *kanklės*, лтш. *kokle*, фин. *kantele*, кар. *kandeleh*, эст. *kannel*. Все они восходят, как полагают, к древнебалтскому *kantlīs* [1, p. 8]. Некоторые исследователи связывают с балтами и прибалтийско-финские названия пастушеской трубы: фин. и кар. *torvi*, эст. *torv*, вепсск. *torv*, лтш. *taure*, лит. *taūrė, taurė*. Правда, в литовском языке это слово означает не трубу, а кубок и проч., но первоначально означало питьевой рог [2, l. 75, 170]. Этнографический материал свидетельствует о несомненно древнем родстве этих инструментов у прибалтийско-финских и балтских народов. Есть еще много одинаковых инструментов, но имеющих во всех языках свои собственные названия (различные свистковые флейты, козы рожки и др.), а также известных лишь одному народу или его части (ударные эглиты у латышей, джингулис у литовцев, шведская смычковая лира у эстонцев и др.). Очевидно, такой инструментарий сложился в ходе долгого развития.

Многочисленные в эстонском и других прибалтийско-финских языках балтизмы, связанные с земледелием и скотоводством, явно указывают на то, какое сильное влияние оказали балты на развитие этих видов хозяйства у западных финнов, особенно эстонцев [3, l. 216]. Не случайно специальные пастушеские инструменты народов Восточной Прибалтики и Финляндии поразительно сходны. Длинные деревянные трубы (от 1 м и более) характерны прежде всего для литовцев, латышей и эстонцев, реже встречались они в южной Финляндии и у финнов Карельского перешейка. Весьма редки, и не более 1 м в длину, деревянные трубы были у некоторых групп карел и русских в Карелии. Особенно длинные свернутые трубы южной Карелии — явление позднее. Во всей Восточной Прибалтике, части Финляндии и Карельского перешейка играли когда-то и на козых рожках с игровыми отверстиями. Длинные деревянные трубы и козы рожки отличают эстонцев и финнов от более восточных прибалтийских финнов (води, ижоры, вепсов и карел), для которых подобные инструменты не характерны. Возможно, существует какая-то связь между различиями в пастушеском инструментарии и различиями в выпасе скота. У восточных прибалтийских финнов дольше, чем у западных, сохранялось придомное животноводство с вольным выпасом скота. У эстонцев же и финнов издавна утвердилась иная форма животноводства — пастьба под присмотром пастухов. Неспроста, видимо, и название пастуха в прибалтийско-финских

¹Здесь и далее нами применяется литовская форма названия инструмента — канклес.

языках является балтизмом: фин., кар., ижорск. *raimen*, эст. *raimendata* — 'пасты скот', ср. лит. *pietuõ* [3, l. 216]. Судя по всему, здесь имеем дело с древними этнокультурными явлениями. Так, прямые аналогии прибалтийским длинным деревянным трубам находим в западном (Швеция) и южном (Польша, Белоруссия, Карпатский регион) направлениях. На прилегающих к Прибалтике северо-западных русских землях такие трубы особой популярностью, по имеющимся данным, не пользовались. Козы рожки известны еще только в Швеции и части Белоруссии, но у белорусов рожки с игровыми отверстиями встречались редко. Таким образом, ареал козых рожков с игровыми отверстиями четко очерчен Восточной Прибалтикой, частью Белоруссии, Финляндии и Швецией. К. Мошинский указывает на наличие таких рожков в Польше [4, s. 589—590], но новейшие польские издания приводят данные лишь о бычьих рожках, снабженных пищиком из гусяного пера [5, s. 71, il. 51]. Типологически это уже совсем другие инструменты. С мнением о довольно позднем появлении козьего рожка в Литве, возможно, в XIX в., трудно согласиться [6, p. 88]. Если мундштучные духовые инструменты из натурального рога на других ближайших соседних землях в древности и использовались, то широко известными крестьянскими инструментами, по этнографическим данным, они не стали (ср. русские рога), а рогами-рожками назывались там обычно короткие деревянные трубы.

Наиболее простые трубы, свернутые из бересты или ольховой коры, широко бытовали у эстонцев, финнов, карел, известны латышам, далее к юго-западу зафиксированы в Белоруссии и Польше [5, s. 70—71], но иногда они снабжены уже пищиком, как и южноэстонские ольховые пийбары (*piibar*).

Простейший инструмент кларнетного типа — ржаная соломинка с надрезным язычком — известна во всем рассматриваемом регионе. Кларнетный инструмент типа русской жалейки с растробом из рога или бересты известен южным карелам, финнам Карельского перешейка, эстонцам-сету, т. е. главным образом в районах наиболее сильного влияния русской инструментальной традиции. Жалейке в принципе близка труба из коры, снабженная деревянным пищиком с надрезным язычком, распространенная в Эстонии только на юго-востоке (*piibar*).

Что касается многочисленных в Прибалтике разновидностей свистковых флейт, отметим: считающиеся характерными для литовцев скудучай — инструменты типа флейты Пана по полевым и архивным материалам автору данной статьи известны гораздо шире у эстонцев (*putkepill*), латышей (*lupstoga svilpe*) и финнов Карельского перешейка (*vihellys*). Но там они используются только как эпизодические детские инструменты и изготавливаются из стволов зонтичных растений. Выяснилось также, что эстонцы-сету играли и на редкой русской парной флейте [7].

Для балтов и прибалтийско-финских народов чрезвычайно характерен многострунный щипковый инструмент — канклес, явно связанный с очень древними этнокультурными традициями. Это инструмент

сугубо эстетического предназначения и в отличие от многих духовых инструментов его использование не зависело от сезонности или форм хозяйства. Можно с уверенностью утверждать, что канклес сформировались в прибалтийской культурной среде. Из соседних стран могли исходить импульсы, но не сам инструмент. В качестве субстратного явления канклес в несколько измененном виде, так наз. крыловидные гусли, известны и северо-западным русским [8, с. 28–29; 9, л. 172]. Они распространились позднее среди сету и латгалов, а также вепсов вместе с прочими русскими заимствованиями в музыкальном фольклоре, напр., танце [9, л. 172]. До этого же у них бытовали канклес классического образца.

Сходство культурных ситуаций привело в Прибалтике и Финляндии в XIX в. к самостоятельному и параллельному, хотя и неравномерному, развитию ряда новых форм канклес под влиянием западно-европейских цитр и псалтерий (арфинетов). Формирование нового псалтериевидного инструмента происходило в общем контексте с распространением нового танцевального и песенного репертуара, новых музыкальных инструментов — скрипки, гармоники и др. На рубеже XIX–XX вв. новые канклес настолько отличались от древних, что в народе местами даже утеряли свое традиционное название (в северной Эстонии *simbel*, *simmel*, в Латвии *citara*, *citers*). Наиболее далеко от традиционных развились канклес у эстонцев, финнов, отчасти западных литовцев. В Латвии, Латгале и Курземе, у эстонцев-сету и в северо-восточной Литве канклес вплоть до начала XX в. сохраняли архаическую конструкцию или же логически развивались на старой основе. Своеобразную по форме группу представляют сувальские канклес в Литве [10, р. 278–279, ил. 39, 44].

Переход от архаических канклес к новым псалтериевидным инструментам не был везде столь резок, чтобы в народе терялась сама традиция игры на щипковом многострунном инструменте. Об этом свидетельствуют хранящиеся в музеях канклес-гибриды, имеющие детали как древних классических канклес, так и новых иноземных инструментов (долбленный корпус и железные колки, гвоздики-штифты вместо струнодержателя в виде палочки, различные формы корпуса, параллельное расположение струн и т. д.)² [9, 10, р. 268, ил. 31, 36], а также факты одновременного сосуществования обоих типов. Так, у сету старые музыканты, пользующиеся сейчас только новыми канклес, помнят еще и о 6–8-струнных долбленных канклес в начале XX в. Так было и у литовцев в Жемайтии [10, р. 274, 277–278, ил. 45]. Традиция игры на многострунном щипковом инструменте являлась древней, и это обусловило психологическую предрасположенность населения Прибалтики к игре на новых струнных инструментах. Сформировавшиеся к концу XIX–начала XX в. новые канклес являются все же характерными для Восточной Прибалтики и Финляндии явлением народной культуры.

²Гос. исторический музей Латвийской ССР: CVVM 22150; 22196; 22156; 162117/1.

Подобные в принципе инструменты (арфоцитры, псалтерии и др.) имелись в Западной Европе уже в средневековье [11, S. 135–137], и прибалтийские новые канклес являются своего рода вторичным изобретением. Более того, псалтериевидные, новые, канклес стали подлинно народным инструментом в Восточной Прибалтике.

Некоторые исследователи древним прибалтийским инструментом считают смычковый 1-струнный (изредка 2–3 струны) инструмент, так наз. „музыкальный лук” — в виде изогнутой или прямой палки или доски и с резонатором из надутого свиного пузыря. Это эст. *põispill*, лтш. *pūšļa vijole*, лит. *pūslinė* [6, р. 52–53; 12; 13, S. 728–729]. Но он имеет прямые аналоги в средневековом и более позднем западно-европейском инструментари [нем. *Bumbass*, — см. 11, S. 129–130]. Ни финнам, ни русским он не известен, однако был распространен в свое время в Белоруссии (Полесье) и Польше [4, с. 598]. По имеющимся немногим сведениям, этот инструмент использовался преимущественно как шуточный или аккомпанирующий в ансамбле с гармоникой и другими. Его распространение в Прибалтике можно, очевидно, связывать, несмотря на его примитивную конструкцию, с немецким и польским влиянием на практику народной ансамблевой игры. Во время первой мировой войны от немецких солдат в Эстонии, напр., распространилась и самая поздняя конструкция бумбаса (эст. *umba*). Известна она и в северной Польше [4, с. 24]. На популярность бумбаса среди немецких солдат в период первой мировой войны указывает и К. Закс [11, S. 130].

Общность культурной ситуации в области религиозной жизни и школьного образования привела в XIX в. к распространению в Финляндии, северной и западной Эстонии, в лютеранских районах Латвии и отчасти западной Литвы шведского однострунного смычкового псалмодикона — эст. *mollpill*, лтш. *gīga*, лит. *psalterionas(?)* — инструмента с виду весьма архаического, отчего и возникло мнение о его якобы исконном и древнем происхождении в Эстонии и Латвии. На самом же деле псалмодикон был сконструирован на основе средневекового монохорда лишь в 1829 г. шведским пастором И. Дильнером и был рекомендован лютеранским молельным домам и народным школам в качестве заменителя органа и средства обучения пению хоралов (на что указывает и само название инструмента). Псалмодикон быстро приобрел популярность, им пользовались и крестьяне для исполнения духовной музыки [14, с. 40–42; 15].

Четвертый струнный инструмент — цимбалы в Дзукии и некоторых других районах Литвы, а также в восточной Латвии — это уже прямой результат историко-культурных связей Литвы и Латвии с Польшей и Белоруссией [см. напр., 6, р. 54–56]. Предрасположенность дзукков к цимбалам, если знать о белорусской ориентации дзукской музыки в целом, не вызывает удивления.

Для эстонцев и латышей очень характерна волынка, известная достоверно с XVI в. Ею не пользовались лишь эстонцы-сету и, видимо, латгалы (правда, в Латгале на ней играли местные белорусы). О степени попу-

лярности волынки в Литве мнения исследователей расходятся, но в общем утверждается, что она была известна в прошлом по всей Литве [6, р. 28–29; 16, р. 39] и сохранилась дольше в восточной Литве вблизи Белоруссии [6, р. 29–30]. В XVI–XVII вв. волынкой, очевидно, пользовались и прусские литовцы, к которым она перешла, возможно, от немцев [6, р. 29]. В Эстонию и Латвию волынку занесли, по всей видимости, немцы и шведы, и она быстро вошла в народный музыкальный быт. В Литве можно говорить о польском и белорусском влиянии. Хотя сравнительного изучения прибалтийских волынок еще не проводилось, можно все же отметить, что по типу они относятся к восточно-европейским волынкам. По форме раструбов бурдонных и игровых труб среди них можно выделить две группы, отображающие опять-таки разные направления этнокультурных контактов. К одной группе относятся эстонские и часть латвийских волынок (игровые трубки без раструба, бурдонные имеют раструб цилиндрической формы), к другой – литовские и часть латвийских (игровые и бурдонные трубы имеют раструб из рога или деревянный в виде рога). Инструменты первой группы сходны с другими северноевропейскими волынками, второй – с польскими и белорусскими. Латвия в известной степени как бы переходная территория.

Особого сравнительного исследования заслуживает один очень простой ударный инструмент в виде подвешенной к перекладине деревянной доски; ударяя по ней деревянными колотушками, издавали ритмические сигналы (лит. *tabalas*, лтш. *klaburis*, эст. *lokulaud*, *kloba*). В Восточной Прибалтике его использовали как в помещичьих имениях, так и в крестьянских хозяйствах, а русскому, белорусскому и финскому крестьянскому быту они не свойственны. Вопреки бытующему мнению о древности била в Прибалтике, кажется все же правдоподобнее, что оно проникло в крестьянский быт через немецкое помещичье хозяйство³ [17, л. 22–23].

Несмотря на простоту устройства, явно позднее немецкое происхождение имеет зафиксированный единичными экземплярами в западной Литве и южной Эстонии особый пастушеский посох со звенящими кольцами (нем. *Ringstock*, эст. *tirinui*), широко распространенный в южной Швеции, северной Германии и т. д. [18, л. 48].

Судя по археологическим находкам XIII–XIV вв.⁴, Восточная Прибалтика и Финляндия [19, л. 229–230; 20, л. 77] одновременно с другими странами северной части Европы оказались в сфере распространения мегаллического варгана (лит. *bandūrėlis*, лтш. *vargas*, эст. *parmupill*). В Прибалтику его занесли, скорее всего; немцы и шведы – в Латвию и Эстонию варганы найдены именно при раскопках немецких замков,

³Неспроста наиболее детальные описания литовского била имеются именно из Жемайтии и Сувалкии, где немецкое влияние было наиболее ощутимым (Письмо литовского инструментоведа А. Карашки автору от 8 января 1982 г.).

⁴Варган начала XIII в. из замка Отепя (Археологическая коллекция Института истории АН ЭССР, № 3371:439. Раскопки 1950 г.).

на средневековых замках найдены варганы и в Финляндии [20, л. 77]. Позднее он то входил в моду (в Эстонии на о. Хийумаа среди молодежи даже в 40-х гг. XX в.), то выходил из моды, местами стал традиционным (западная и северная Эстония, северо-восточная Литва и др.), местами его вообще не знали. Можно предполагать и постоянный импорт варганов. Так, в 1756 г. варган фигурирует в описи одного немецкого торгового дома в Таллине среди крестьянских товаров [21, л. 20].

Музыкальный инструментарий прибалтийских народов находится порой в весьма сложных связях как между собой, так и с инструментами соседних народов. Если сходство некоторых простейших инструментов можно объяснить сходными природными условиями, то среди инструментов, связанных с особенностями хозяйства, намечаются уже явные этнокультурные связи: длинные деревянные трубы и козы рожки с игровыми отверстиями связывают Прибалтику со Скандинавией, Финляндией и Центральной Европой. И, видимо, закономерно, что исследователи животноводства указывают на связи Восточной Прибалтики именно в тех же направлениях [22, с. 133–134]. Среди общих инструментов с чисто развлекательной, эстетической функцией особо выделяются канклес, являющиеся характерными только для балтов, прибалтийских финнов и северо-западных русских. Волынка, варган, скрипка и другие заимствованы в разное время с запада и юга, гармоника – с запада и востока. Широкое распространение в XIX в., напр., скрипки и местами псалмодикона было обусловлено не только чисто фольклорными причинами, но и особенностями школьного образования и религиозной жизни, распространением профессиональных форм музицирования в крестьянской среде.

Музыкальный инструментарий народов Восточной Прибалтики оказывался с древнейших времен вплоть до XX в. (пример – распространение аккордеона в 30-х гг.) в сфере сильного влияния музыкальной культуры стран западного и южного побережий Балтийского моря. Это привело к определенному сходству, особенно в XIX в., состава крестьянского музыкального инструментария в Восточной Прибалтике, Швеции, Финляндии, Северной Польше и Германии. Некоторое отличие инструментария восточных районов Эстонии и Латвии можно объяснить русским влиянием, а в Литве налицо связи с Белоруссией и Польшей. Национальное своеобразие сохранялось больше в самой музыке и особенностях использования тех или иных инструментов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nieminen E. Finnish kantele und die damit verbundenen Namen baltischer Musikinstrumente. – Studia Fennica. Revue de linguistique et d'ethnologie finnoise. Helsinki, 1963, N 10(2).
2. Kalima J. Itämerensuomalaisen kielten baltilaiset lainasanat. – Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. Helsinki, 1936, 202.
3. Laanest A. Sissejuhatus läänemere-soome keeltesse. – Tallinn, 1975.
4. Moszvánski K. Kultura Ludowa Słowian. – Warszawa: Książka i wiedza, 1967, t. 2.

5. Назина И. Д. Белорусские народные музыкальные инструменты. — Минск, 1979, с. 126—127; Olędzki S. Polskie instrumenty ludowe. — Krakow, 1978.
6. Baltrėnienė M. Lietuvių liaudies muzikos instrumentai. — V.: LTSK aukšt. ir spec. vid. mokslo m-ja, 1980, t. 2.
7. Тынурист И. В. Сетуская парная флейта. — В кн.: Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами. Таллин, 1980.
8. Тынурист И. В. Где во гусли звонили? (Опыт картографирования народных музыкальных инструментов). — В кн.: Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга. Л., 1977.
9. Tõnurist I. Kannel Vepsamaast Setumaani. — In: Soome-ugri rahvaste muusikarändist. Tallinn, 1977.
10. Slavinskas Z. Lietuvių kanklės. — In: Tautosakos darbai. K., 1937, t. 3.
11. Sachs C. Handbuch der Musikinstrumentenkunde. — Leipzig, 1930.
12. Slaviūnas-Slavinskas Z. Lankas — pirmąkštis lietuviu muzikos instrumentas. — Gimtasai kraštas, 1939, Nr. 1.
13. Bielenstein A. Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten. — Petrograd, 1918, t. 2.
14. Линг Я. Шведская народная музыка. — М., 1981.
15. Тынурист И. В. Псалмодикон в Эстонии (о скандинавских влияниях в эстонском народном инструментари). — Скандинавский сборник. Таллин, 1976, № 21.
16. Paliulis S. Lietuvių liaudies instrumentinė muzika. Pūčiamieji instrumentai. — V.: Valst. grož. lit. leidykla, 1959.
17. Ariste E. Lokulaud. — In: Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat. VIII, 1932. Tartu, 1934.
18. Berg G. Der Ringstock. — In: Ethnologia Scandinavica. Lund, 1972.
19. Урган В. Древнейшие музыкальные инструменты на территории Латвии. — Studia archaeologia in memoriam Harri Moora. Tallinn, 1970.
20. Taavitsainen J.-P. Suuharpuista Suomessa. — Kotiseutu, 1978, No 3.
21. Üprus H. Eesti rahvakunst kunstiajaloo aspektist. — Etnograafiamuuseumi Aastaraamat. Tallinn, 1969, No 24.
22. Думпе Л. А. Этнокультурные связи латышей и соседних народов по данным молочного животноводства. — ПЭБ. Вильнюс, 1981.

VOLKSINSTRUMENTE UND DIE ETHNO-KULTURELLEN VERBINDUNGEN DER VÖLKER DES BALTIKUMS

I. Tõnurist

Z u s a m m e n f a s s u n g

Die Volksinstrumente wurden bisher bei der Erforschung der ethno-kulturellen Verbindungen der Völker des Baltikums nur wenig in Betracht gezogen. Eine gewisse Gemeinsamkeit im volkstümlichen Instrumentarium hat man ja schon seit langem bemerkt, vor allem in Verbindung mit dem psalterähnlichen Saiteninstrument lit. *kanklės* und dem Hirtentrompete. Die Benennungen dieses Saiteninstruments in den baltischen und ostseefinnischen Sprachen sind untereinander verwandt und stammen offensichtlich aus einer gemeinsamen Urform (*kantliis, E. Nieminen, 1963). Einige ostseefinnische Bezeichnungen der Hirtentrompete stimmen auch mit einer baltischen Urform überein. Alle anderen gemeinsamen Instrumente haben in jeder Sprache seine eigene Benennung. Wenn eine Konvergenz bei der Entstehung von vielen einfacheren Musikgeräten möglich war, dann ist es höchst glaubhaft, dass die mit einer solchen Produktionssphäre wie die Viehzucht verbundenen Blasinstrumente (lange Holztrompeten und Bockshörner mit Grifflöchern) sich zusammen mit dieser Wirtschaftsform verbreiteten. Parallelen für die Hirtentrompeten findet man in Schweden und Mitteleuropa, Bockshörner kennt man von Schweden über Finnland bis zu Belorussland. Es ist sicher nicht zufällig, dass die Erforscher der Viehzucht analoge Kontakte gefunden haben (L. Dumpe).

Von den Seiteninstrumenten ist die zur Psaltergruppe gehörende estn. *kannel*, lit. *kanklės*, lett. *kokte* für das Baltikum besonders charakteristisch. Dieses Instrument stellt sozusagen die ursprünglichste Äusserung der eigentümlichen Kultur der Balten und Ostseefinnen dar, da man in den Nachbarländern keine Entsprechungen für seinen archaischen Typ mit einem „Flügel“ aufzuweisen hat. Nur in Nordostussland kommt dieser vor, offensichtlich als eine Substraterscheinung. Dagegen sind die neueren Modifikationen desselben Instruments im 19. bis 20. Jahrhundert nach Vorbild der westeuropäischen Zithern und Harfenzithern entwickelt worden. Sie entstanden und verbreiteten sich in einem gemeinsamen Kontext mit der Geige, Ziehharmonika und den anderen neueren Instrumenten.

Für ein ursprüngliches Saiteninstrument des Baltikums wurde bisher auch ein bogenförmiges Musikgerät mit einem Resonanzkörper aus Schweineblase gehalten (estn. *põispill*, lett. *pūšļa vijole*, lit. *pūšlinė*). Es soll jedoch ein verhältnismässig spät eingeführtes Instrument sein, das direkte Entsprechungen im mittelalterlichen und späteren europäischen Instrumentarium hat, so z. B. das bekannte deutsche Bumbass, genauer seine ältere Form. Einige entwickeltere Formen des letzteren waren noch im 20. Jahrhundert im Baltikum verbreitet (estn. *umba*). Sie sind auch in Polen bekannt.

Als ein altes estnisch-lettisches Volksinstrument hat man auch das äusserlich primitive einsaitige Psalmodikon (estn. *mollpill*, lett. *ģīga*) angesehen. In der Wirklichkeit fand dieses Musikgerät schwedischer Herkunft sich erst während der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts in den Volksschulen Est- und Lettlands und einigermaßen auch unter der Bauernbevölkerung Aufnahme. Das Instrument wurde zur Begleitung der lutherischen Kirchenlieder gebraucht. In Schweden verbreitete sich das Psalmodikon erst nach 1829.

Ein viertes Saiteninstrument, das Hackbrett (lit. *cimbolai*) war eingermassen nur in Südlitauen und Ostlettland bekannt und spiegelt die Kontakte mit Belorussland und Polen wider.

Der Dudelsack findet man seit dem 16. Jahrhundert überall in Baltikum vor. Er kam hierher aus dem Westen unter der Vermittlung von Deutschen und Schweden und aus dem Süden durch Polen und Belorussen. Besonders typisch war der Dudelsack für die Esten und Letten (ausser der Latgalen). Über seine Popularität unter den Litauern stimmen die Angaben nicht überein.

Die Verbreitung der Maultrommel in Deutschland und Schweden ist seit 13. Jahrhundert festzustellen. Auch aus Estland, Lettland und Finnland kennt man archäologische Funde der Maultrommel vom 13. bis 14. Jahrhundert. Offenbar war sie seinerzeit ein Modeinstrument, das nicht überall volkstümlich wurde. Im Baltikum wurde sie zum Volksinstrument vor allem im Norden und Westen Estlands und in nordöstlichen Litauen.

Eine vergleichende Spezialforschung verdient die Hillebille (estn. *lokulaud*, *kloba*, lett. *klaburis*, lit. *tabalas*), die im Baltikum als Signalgerät in den Gütern sowie bei den Bauern gebräuchlich war. Die Verbreitungsrichtung Gut — Bauernhof scheint glaubhafter zu sein als eine entgegengesetzte. Als mitteleuropäisches und skandinavisches Lehngut sind auch die Ringstöcke der Hirten, die in wenigen Exemplaren in Litauen und Estland fixiert worden sind, anzusehen.

Ebensoleche Verbindungen und Tendenzen stellt man auch bei der näheren Untersuchung der Verbreitung der Geige, der Ziehharmonika und der neueren Instrumentalensembles fest. Die Ingebrauchnahme der neueren Musikgeräte ging in einem grossen Masse im gleichen Schritt mit der Verbreitung der neuen Tänze.

Der Komplex der volkstümlichen Instrumente, ungeachtet der Differenzen zwischen der Volksmusik der baltischen Völker und der Esten, bestätigt, dass das Baltikum ein zusammenhängendes historisch-ethnographisches Gebiet darstellt, wie viele andere Besonderheiten der materiellen Kultur schon gezeigt haben.